МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПРОГРЕССИВНОЙ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ НА РУБЕЖЕ 60-х — 70-х ГОДОВ XX ВЕКА

Сборник трудов

Москва — 1973

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской.

Сборник показывает прогрессивную молодежь как союзника пролетариата в антиимпериалистической борьбе. В нем освещается роль компартий в деле формирования революционной убежденности рабочей молодежи и вовлечение ее в борьбу за прогрессивные экономические и политические преобразования, за мир.

Редакционная коллегия:

профессор Кургинян Е. А. (отв. редактор), доц. Кузьмин А. П., доц. Маркова В. Д., доц. Муравьев Ю. П.

А. Г. Витренко

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 60-х ГОДОВ И УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ США

Современный этап общего кризиса капитализма характеризуется обострением борьбы двух систем: капиталистической и социалистической. «Человечество вступило в последнюю треть нашего столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»,— отмечалось в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, июнь 1969 г.).[1] В условиях роста и усиления экономической, военной и политической мощи лагеря социализма борьба между капитализмом и социализмом, ранее выливавшаяся в вооруженную интервенцию и экономическую блокаду социалистических стран, все более и более выступает в виде борьбы между идеологиями — коммунистической и буржуазной.

За последние десятилетия в капиталистических странах появилась обширная литература, организованы многочисленные научно-исследовательские институты, возникли целые профессии «кремлинологов», «марксологов», «советологов», в задачу которых входит извращение истинной картины современного мирового революционного процесса с позиций антикоммунизма. В большинстве случаев фальсификация различных сторон экономической, равно как и общественно-политической жизни носит скрытый, замаскированный характер. Авторы многочисленных трудов, прикрываясь внешней наукообразностью, стремятся всеми силами доказать одно — бесперспективность, устарелость классовой борьбы пролетариата за революционное преобразование общества. Наиболее широко пропагандируется тезис об исчезновении пролетариата, об утрате им революционности, являющийся своего рода защитной реакцией на успехи социализма, рост влияния левых сил в странах капитала, вступление ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки на путь некапиталистического развития.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 286.

Научно-техническая революция, развернувшаяся в послевоенные годы, привела к значительным изменениям в социально-экономической структуре общества. В связи с превращением науки в непосредственную производительную силу и сокращением доли физического труда в общественном производстве произошло абсолютное уменьшение численности производственных и сельскохозяйственных рабочих при одновременном росте числа служащих и интеллигенции. Так, в США, например, с 1947 по 1970 г. численность интеллигенции возросла с 3,9 млн. до 10,3 млн. человек, то есть более чем в 2,6 раза.[2]

Буржуазная наука, абсолютизируя уменьшение удельного веса одних компонентов пролетариата, игнорируя увеличение других — торгово-конторского, наемных работников сферы обслуживания — и отождествляя пролетариат лишь с понятием «промышленный рабочий», делает вывод об исторической обреченности пролетариата, о приходе на смену ему нового «класса» — «революционной интеллигенции», «революционной молодежи». При этом вульгаризуется научное понятие класса, основанное на месте в общественном производстве и отношении к средствам производства.

60-е годы нашего столетия ознаменовались новым подъемом массовых демократических движений в США — негритянского, пацифистского, молодежного и др., — для которого характерно широкое участие в них студенчества. Причины оживления молодежного и студенческого движения следует искать в проявлении основного антагонизма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения — в эпоху научно-технической революции. Сегодня, когда в лабораториях крупнейших монополий США сконцентрировано около 80% всех прикладных научно-исследовательских работ[3] и значительная часть фундаментальных исследований, финансируемых федеральным правительством, возможность ведения независимых исследований оказывается в значительной степени ограниченной. Непрерывно растущие потребности общественного воспроизводства в условиях господства государственно-монополистического капитализма превратили университеты в гигантские фабрики рабочей силы, о чем наглядно свидетельствует статистика роста университетского образования. Число студентов в США увеличилось с 1,5 млн. в 1940 г. до 3,6 млн.[4] в 1960 г., то есть с 9% всего населения в возрасте от 18 до 24 лет до 22%. В 1969 г. в США насчитывалось уже 6,9 млн. студентов — около 30% упомянутой возрастной группы[5]. Одновременно наблюдается резкое отставание в росте числа рабочих мест, что порождает у студенческой молодежи ощущение неустойчивости, неуверенности в будущем, толкает ее на выступления за свои права.

[2] «Соединенные Штаты Америки». М., 1972, стр. 245.
[3] С. А. Далин. США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972, стр. 168.
[4] «Statistical Yearbook 1967 UNESCO». Paris, 1968, p. 190.
[5] «US News and World Report», May 19, 1969, p. 35.

Для современного капиталистического общества, охваченного идеологическим кризисом, характерен непреодолимый разрыв между общественной теорией и общественной практикой. Прокламируемые в качестве высших ценностей буржуазные свободы на деле оказываются беззастенчиво попранными именно теми, кто, казалось бы, призван их защищать. Это вызвало «кризис доверия», негативное отношение к институтам буржуазной демократии, принявшее самые различные формы.

В связи с ростом демократических движений на повестку дня встает вопрос о социальных силах, способных возглавить эти движения, сформулировать их цели и задачи, стать их движущей силой. Способна ли выполнить и выполняет ли эту задачу интеллигенция, в первую очередь гуманитарная интеллигенция, являющаяся, по утверждению современных буржуазных идеологов типа Г. Маркузе, «главным революционным классом» нашей эпохи? Ответ на этот вопрос дает, в частности, изучение той роли, которую сыграла университетская интеллигенция, интеллигенция «в чистом виде», как называют ее буржуазные теоретики, в студенческом движении США 60-х годов.

За последние годы советскими авторами опубликован ряд трудов, посвященных проблемам молодежи в США, среди которых следует отметить работы А. Р. Брычкова, А. А. Ермолаева, С. С. Салычева, В. М. Матвеева, Л. И. Салычевой, О. А. Александровой, И. С. Кона, Н. С. Юлиной, Е. Косенко, М. И. Новиковой и др., а также ряд коллективных трудов.[6] Основное внимание в этих работах уделено внутренним проблемам молодежного движения, вопрос же о роли, весьма противоречивой и

[6] См. А. Брычков. Молодая Америка. М., 1971; его же: «Новые левые» в США. «Новая и новейшая история», 1970, № 1; А. А. Ермолаев. Развитие демократического движения молодежи США. Куйбышев, 1971. С. С. Салычев. «Новые левые»: с кем и против кого. М., 1972; В. М. Матвеев. Прогрессивное молодежное движение в США. М., 1971; Л. И. Салычева. Студенческое движение: 1960—1970. «США — экономика, политика, идеология», 1972, № 4; Л. И. Салычева, О. А. Александрова. Оппозиционное движение студенчества и интеллигенции. В сб. «США: социально-политический кризис, проблемы рабочего и демократического движения». М., 1972; И. С. Кон. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». «США — экономика, политика, идеология», 1971, № 3; его же: Студенчество на Западе как социальная группа. «Вопросы философии», 1971, № 9; Н. С. Юлина. Бунтующая молодежь в поисках идеологии. «США — экономика, политика, идеология», 1971, № 9; Е. Косенко. Молодежное движение в США. «Мировая экономика и международные отношения», 1969. № 10; М. И. Новинская. «Студенческая революция» в США и кризис буржуазных ценностей. «Вопросы философии», 1972, № 12; «США: от «великого» к больному...». М., 1969; «США: проблемы внутренней политики». М., 1971. и др.

сложной, и месте интеллигенции в демократических движениях США, в том числе и в молодежном движении, в значительной мере остался вне поля зрения исследователей. Данная работа представляет собой попытку в какой-то степени восполнить этот пробел.

«Молчаливое поколение» сбретает голос

Молодежь 50-х годов часто называли «молчаливым поколением». Действительно, для студентов этого периода характерно пассивное участие в политической жизни страны, в демократическом движении США, сводившееся лишь к выборам органов студенческого самоуправления да подаче голосов на выборах за кандидата либо республиканской, либо демократической партии. Особенности экономического развития США после второй мировой войны: отсутствие кризисов, аналогичных по размаху кризису 1929—33 гг., увеличение производства, искусственно стимулировавшееся гонкой вооружений и ростом потребительского кредита — и, с другой стороны, ряд мер, выразившихся, в частности, в предоставлении значительных льгот участникам войны при поступлении в университеты и найме на работу, послужили питательной средой для распространения иллюзий о возможности разрешения основных проблем капиталистического общества в рамках существующего строя. Политической апатии интеллигенции и студенчества способствовала также разнузданная травля коммунистов и других прогрессивных элементов в эпоху маккартизма и «холодной войны».

К началу 60-х годов успехи мировой социалистической системы, нашедшие воплощение в полете первого советского искусственного спутника Земли, пробудили интерес мыслящих американцев к Стране Советов, что в свою очередь выдвинуло на передний план основные пороки американского общества.

Подъем студенческого движения в США непосредственно связан с движением негритянского населения США за гражданские права. Еще в начале 50-х годов, 17 мая 1954 г., под влиянием борьбы негритянского народа Верховный Суд США был вынужден объявить сегрегацию в учебных заведениях антиконституционной. 23 апреля 1956 г. нарушением конституции была признана сегрегация в курсирующих между штатами автобусах. Конгрессу США пришлось принять ряд законов, формально защищавших конституционные права негров. Однако все эти меры не привели к сколь-либо значительным переменам в социально-экономическом положении большинства негритянского населения. Оно по-прежнему оставалось бедным, необразованным, сегрегированным. На его долю по-прежнему выпадала самая тяжелая работа. Более того, в ответ на законодательные акты правительства расисты прибегали к тактике гражданского неповиновения. События в Литл-Роке (штат Арканзас) и Нашвиле (штат Теннесси) в 1957 г., взрыв школы в Клинтоне и бесчинства расистов в Новом Орлеане в 1960 г., связанные с проведением в жизнь постановлений о десегрегации, показали сторонникам гражданских прав, что обычные, мирные методы борьбы не достаточны.

1 февраля 1960 г. в Гринсборо (штат Северная Каролина) 4 студента-негра устроили в одном из кафетериев «сит-ин» — сидячую демонстрацию в знак протеста против расовой сегрегации. Эта форма протеста была подхвачена студентами-неграми других городов. К концу февраля 1960 г. в стихийно возникавших «сит-инах» приняли участие студенты 26 негритянских учебных заведений, в марте — еще 27. Университетская администрация, в том числе и ректоры-негры, сторонники реформ и ненасильственных действий («легалисты»), поначалу налагали на участников «сит-инов» дисциплинарные взыскания.

Гражданское мужество негритянского студенчества произвело большое впечатление на белое студенчество северных штатов. Вкоре белые студенты и студенты-негры начинают предпринимать совместные действия. В апреле 1960 г. в Роли (штат Северная Каролина) образовалась первая радикальная студенческая организация — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД), в котором поначалу насчитывалось всего 16 освобожденных работников. К середине 1964 г. их число возросло до 150, причем 80% из них были негры [7].

К 1962 г. в США появилось свыше 28 новых студенческих политических журналов. В 1960 г. возникла одна из наиболее значительных радикальных студенческих организаций — «Студенты — за демократическое общество» (СДО), зародившаяся как студенческое отделение Лиги за производственную демократию, социал-демократической группы, которая до начала 60-х годов практически не пользовалась авторитетом у молодежи. Во главе организации встали Том Хейден и Эл Нейбер.

Вначале СДО сконцентрировала свою деятельность на движении за гражданские права и улучшении условий жизни обитателей трущоб и гетто. Несомненное влияние на ограничение круга деятельности СДО на первом этапе оказала либеральная политика правител.ства Кеннеди. Будучи опытным политиком, Кеннеди понял, что не довольствующееся более ценностями «общества потребления» молодежное движение чревато опасностями и поэтому энергию молодежи необходимо было направить по мирному руслу, «ориентировав американских юношей и де-

[7] Lewis S. Feuer. The Conflict of Generations. N. Y., 1969, p. 397. В 1969 г. СККНД, отказавшийся от тактики ненасильственных действий, был переименован в Студенческий координационный комитет.

вушек на участие в выборах, а не на принудительную десегрегацию кафетериев».

Сознавая роль студента как завтрашнего интеллигента, призванного в условиях научно-технической революции внести значительный вклад в укрепление системы государственно-монополистического капитала, Д. Кеннеди с первых же дней президентства старался убедить студентов, что его деятельность направлена на то, чтобы ни один из них не лишился возможности получить высшее образование из-за финансовых трудностей. Более того, Кеннеди попытался создать для молодежи видимость позитивной альтернативы. В своем выступлении перед студентами Мичиганского университета в марте 1961 г. он изложил план создания пресловутого Корпуса мира, утвержденный конгрессом 22 сентября. Новая организация была призвана, играя на благородном стремлении молодежи внести свой вклад в труд на благо человечества, пробудить у населения развивающихся стран проамериканские чувства, привить им идеи антикоммунизма и превосходства американского образа жизни. Вместе с тем необходимо было отвлечь молодежь от классовой борьбы пролетариата, и вначале эта политика принесла определенные плоды.

В своих первых заявлениях СДО выразила «разочарование» рабочим классом. В листовке «Студенты и рабочий класс», вышедшей в Нью-Йорке в сентябре 1962 г., СДО заявила, что рабочий класс, не покончивший с дискриминацией в своих рядах, якобы более не является революционным, не выступает против угнетения. В другой листовке, озаглавленной «Интеллигент как движущая сила социальных перемен» (июнь 1963 г.), один из руководителей СДО, Пол Плоттер, писал, что ранее для интеллигенции существовал лишь один выбор: либо поддержка существующей системы, либо отчуждение, — теперь же «интеллигент может добиться власти, включаясь в возникающие в обществе центры — движение за гражданские права, движение за мир, обсуждение экономических проблем» [8]. Этот вывод в значительной степени мотивирован концепцией об утрате рабочим классом революционного духа и интеллигенции как революционном классе, выдвинутой социологом Р. Миллсом, который оказал значительное влияние на формирование мировоззрения молодежи 60-х годов, а также широко пропагандируемым тезисом об отсутствии необходимости борьбы за экономические цели, так как современное капиталистическое общество якобы само способно обеспечить всеобщее благосостояние.

В декабре 1962 г. СДО опубликовала манифест, принятый на съезде в Порт-Гуроне, — первый программный документ «новых левых», ознаменовавший собой отказ от ранее практиковавшейся тактики пассивного гражданского неповиновения и переход к политике так называемой «демократии участия». Суть «демократии участия» была сформулирована весьма расплывчато: «Демократия участия не имеет ни организации, ни специально выработанной политики выражения своих взглядов... Для принятия решения не требуется ни большинства голосов, ни единодушия. Да и сами решения в обычном смысле этого слова отсутствуют. Общую политику и конкретные действия определяет тот, кто в вихре дискуссий и споров окажет наибольшее влияние, проявив храбрость, умение ясно выражать свои мысли, рассудительность, способность чутко реагировать на настроение группы. Оказываемое влияние увеличивается за счет личностных характеристик, таких как репутация, внешний вид, образ жизни, импонирующих молодежи» [9].

[8] Цит. по: Lewis Feuer, op. cit., p. 388.

В рядах СДО существовало два взгляда на реальное содержание политики «демократии участия»: 1) прямая конфронтация, предполагавшая создание параллельных общественных институтов, призванных заменить существующие; и 2) сознательное нарушение лишь некоторых, несправедливых законов и правил с целью обратить на них внимание избирателей и правительства. Порт-гуронский манифест не оформил единой идейно-политической платформы. «Организация выступает с политических позиций социалистов, анархистов, коммунистов и либералов» [10] — говорилось в нем. Отсутствие четкой программы и устава, негативное отношение к какой бы то ни было идеологии, ориентация на либеральные элементы на первых этапах существования организация обусловила неэффективность ее деятельности. Тем не менее именно в этот период взгляды студенчества, в первую очередь его реформистской части, в значительной мере разделялись буржуазной интеллигенцией.

С приходом к власти правительства Кеннеди университетская интеллигенция покидает свою «башню из слоновой кости», в которой она находилась в течение долгих лет.

Ряд видных ученых-преподавателей университетов, «яйцеголовых», как совсем еще недавно, в президентство Эйзенхауэра, презрительно называли научную интеллигенцию, был выдвинут на ответственные политические посты. Так, декан одного из факультетов Гарвардского университета Макджордж Банди был назначен специальным помощником президента по делам национальной безопасности, видный экономист Уолт Ростоу, профессор Кембриджского университета и Массачусетского технологического института, возглавил перспективное планирование в государственном департаменте. Советниками президента стали видный историк А. Шлезингер-младший, ученый-атомник Джером Визнер, профессора-экономисты Гарднер Экли, Уолтер Хеллер и некоторые другие известные ученые. Такое участие науч-

[9] Ibid., p. 408.

[10] «Young Socialist», May 1969, p. 6. Цит. по.: «США: проблемы внутренней политики». М., 1971, стр. 238.

ской активности студенчества. Помимо борьбы за гражданские права негритянского населения, студенческое движение США постепенно начинает развиваться и как движение за политические свободы, а также как антивоенное движение.

В мае 1964 г. возникло так называемое «движение 2 мая», участники которого, выступив не только против действий США во Вьетнаме, но и против политики США в целом, призвали к солидарности с патриотами Южного Вьетнама. Весной 1964 г. участники «движения 2 мая» в Хейвфордском колледже (штат Пенсильвания), Йельском и Нью-Йоркском университетах публично объявили об отказе явиться на призывной пункт.

Лето 1964 г. ознаменовалось новыми негритянскими волнениями, охватившими около 15 городов; наступило «долгое, жаркое лето».

Активисты движения за гражданские права в связи с предстоявшими в ноябре президентскими выборами развернули широкую кампанию на Юге. Более 800 добровольцев во главе с Бобом Моузесом и старшим преподавателем Йельского университета, активным участником борьбы за гражданские права Стоктоном Линдом отправились в южные штаты, организуя «школы свободы», разъясняя принципы демократии, призывая негров участвовать в выборах. Рост активности негритянского населения вызвал ожесточенное сопротивление реакции. В г. Мериди́ане (штат Миссисипи) от пуль расистов после жестоких пыток пали студенты из Нью-Йорка Эндрю Гудман и Майкл Шверн́ер и негр Джеймс Крейни, чьи имена стали символом студенческого подвижничества. Убийцы были установлены, однако заботами буржуазной фемиды они ушли от ответственности.

Крупным успехом борцов за гражданские права явилось образование в штате Миссисипи «Демократической партии свободы», бросившей в ходе предвыборной кампании открытый вызов диксикратам.

Мощный подъем негритянского движения летом 1964 г., решительные методы борьбы, взятые на вооружение негритянскими организациями, способствовали резкому росту гражданского самосознания в среде американского студенчества. Острые внутренние проблемы, вставшие на повестку дня, настойчиво требовали от студенческой молодежи вопреки традиционной «нейтральности» университетов определить свое отношение к происходящим в стране событиям, к политике официальной Америки, к порядкам в самих университетах. Хотя выступления молодежи, выражавшиеся главным образом в форме диспутов и собраний, носили мирный характер и охватывали поначалу небольшое число университетов и колледжей, администрация учебных заведений попытались предотвратить рост политической активности студенчества.

В сентябре 1964 г. университетские власти Калифорнийского университета в Беркли, студенты которого принимали активное

участие в движении за гражданские права, запретили всякую политическую деятельность на территории университета. Однако студенты выступили в защиту своих элементарных гражданских прав, декларируемых буржуазной конституцией — свободы слова, собраний, убеждений, — требовали отмены административных санкций за политическую деятельность. Администрация категорически отказалась рассмотреть их требования. В ответ на арест 1 октября представителей КРР и исключения из университета 30 сентября восьмерых членов других демократических студенческих организаций студенты начали сидячую забастовку. После провала попытки администрации спровоцировать беспорядки на территорию университета было вызвано 700 полицейских. Под угрозой ареста, применения дубинок и слезоточивого газа студенты были вынуждены отступить. При этом реакционные студенческие организации типа Национальной студенческой ассоциации постарались сделать все возможное, чтобы начинавшееся движение не получило широкого распространения.

В ответ на действия официальной Америки, пытавшейся воспрепятствовать работе среди студенческой молодежи прогрессивных организаций, 3 октября 1964 г. возникло движение, получившее название «Движения за свободу слова», которое объединило в своих рядах как существовавшие студенческие политические клубы, так и студентов, ранее не примыкавших ни к каким политическим группировкам. В «Движение за свободу слова» вошли и вновь образовавшиеся Студенческая ассоциация и Координационный комитет аспирантов. В поддержку требований студентов выступили многие преподаватели университета. Некоторые молодые преподаватели приняли непосредственное участие в демонстрациях и «сит-инах». Участие представителей университетской интеллигенции в акциях протеста, хотя и пассивного, явилось проявлением одной из тенденций в эволюции ее социально-политических взглядов — радикализации ее наиболее передовой части.

В ноябре 1964 г. состоялись президентские выборы, прошедшие под знаком борьбы прогрессивных сил Америки против угрозы правой реакции, выразителем взглядов которой явился кандидат от республиканской партии Б. Голдуотер. Вместе с либеральными организациями, профсоюзами, умеренными демократами и республиканцами, представителями деловых кругов в поддержку кандидата демократической партии Л. Джонсона выступила и часть студенческих организаций. Некоторые из них возлагали на демократическую партию особые надежды, связанные с реформами, обещанными Джонсоном в рамках имевшей печальный конец программы «Великого общества», в результате выполнения которой, как заверял Джонсон совсем недавно перед этим, выступая в мае перед студентами Мичиган-

ского университета, США должны были «прийти не только к богатому и могущественному, но и к Великому обществу».[14]

В декабре 1964 г. состоялась новая сидячая забастовка студентов Калифорнийского университета в связи с предъявлением руководству «Движения за свободу слова» обвинения в организации «незаконной» забастовки 1—2 октября, хотя само движение организационно оформилось лишь 3 октября. В 36-часовом «сит-ине» 2 октября, послужившем началом забастовки, продолжавшейся несколько дней, приняло участие около тысячи студентов. По приказу губернатора штата Брауна в университет был направлен отряд полиции из 600 человек. 780 студентов было арестовано, большинство из них было отправлено в тюрьму.[15]

Этот акт произвола вызвал возмущение не только студентов, но и преподавателей, увидевших в нем покушение на свободу «либерального» университета. Группа преподавателей отправилась в тюрьму Санта-Рита и потребовала освободить арестованных студентов. На состоявшемся вслед за этим митинге профессорско-преподавательский состав осудил действия губернатора, выразив поддержку «Движению за свободу слова». Преподаватели приняли участие в пикетировании зданий университета, а также собрали 8,5 тыс. долларов, с тем чтобы арестованных студентов выпустили под залог.

Движение за свободу слова получило поддержку со стороны профсоюзных организаций штата — Союза водителей грузовиков, Ассоциации сельскохозяйственных рабочих, Союза докеров, Совета строительных рабочих и других профсоюзов, подавших пример классовой солидарности. Собравшийся же в это время академический сенат принял половинчатое решение, признав справедливыми требования об отмене правил, регламентирующих политические взгляды и политическую деятельность студентов, и одновременно постановив передать дисциплинарные вопросы, связанные с политической деятельностью, в компетенцию преподавательских организаций. С этим предложением не согласился совет попечителей, усмотревший в движении за свободу слова «коммунистический заговор».

В конце концов под напором общественного мнения администрация была вынуждена пойти на частичные уступки. Ректор университета Стронг ушел в отставку. Однако преподавательский сенат не обеспечил проведения в жизнь своих решений и администрация сохранила за собой право устанавливать по собственному усмотрению время и место мероприятий политического характера.[16]

События в Беркли, вызвавшие широкий резонанс в Соединенных Штатах, привели к росту политической активности студентов других университетов, показав значение общих, организованных выступлений в борьбе за свои права. За стачкой в Беркли последовали выступления студентов Йельского, Нью-Йоркского университетов, университета штата Нью-Йорк, Фэрли Дикинсон (Рудесфорд, штат Нью-Джерси), Бруклинского колледжа и других учебных заведений США. Несомненным свидетельством роста политического сознания молодежи явилось создание на конференции в Сан-Франсиско в 1964 г. организации «Клубы Дюбуа Америки», основанной на марксистских воззрениях.

[14] «Economic Report of the President», 1965, p. 31.
[15] «US News and World Report», May 31, 1965, p. 84.
[16] А. Брычков. Молодая Америка. М., 1971, стр. 106—115.

Против войны во Вьетнаме

В феврале 1965 г. Л. Джонсон без санкции конгресса отдал приказ о систематических бомбардировках территории Демократической Республики Вьетнам. С этого времени центром внимания студенческих организаций становится участие в антивоенном движении, так как империалистическая внешняя и реакционная внутренняя политика, попирающая демократические свободы, культивирующая расизм и антикоммунизм, начинают все более и более явственно выступать как звенья одной цепи. Вместе с тем это отнюдь не означало прекращения борьбы за политические свободы и гражданские права негров.

В начале 1965 г. возникает новая форма протеста — так называемый «тич-ин», инициатором которого явилась университетская интеллигенция. Первый «тич-ин» состоялся 24 марта 1965 г. в Мичиганском университете. 13 профессоров университета решили отменить обычные занятия в знак протеста против военного вмешательства США во Вьетнаме. Поступок преподавателей был осужден губернатором и законодательным собранием штата, и поэтому объявленный митинг протеста состоялся ночью. На митинге, продолжавшемся до утра, присутствовало около 2 тыс. студентов и 200 преподавателей университета.[17] Выступавшие осудили агрессивную политику США, методы ведения войны во Вьетнаме, равносильные геноциду. Вскоре примеру Мичиганского университета последовали другие университеты, в том числе и такие крупные, как Колумбийский и Калифорнийский.

Устраивая «тич-ины», профессора и преподаватели университетов тем самым фактически утверждали, что администрация США, и в первую очередь те ее представители, которые ранее сами работали в университетах, несет моральную ответственность за свои действия перед университетской интеллигенцией. 15 мая 1965 г. состоялся национальный «тич-ин» в столице США — Вашингтоне, транслировавшийся по телевидению. Организаторы «тич-ина» предложили явиться на него Макджорджу Банди, помощнику президента по делам национальной безопасности. Банди на «тич-ин» не явился, сославшись на необхо-

[17] Lewis Feuer, op. cit., p. 412.

димость вести переговоры в Доминиканской республике, незадолго до этого, в марте, ставшей объектом агрессии США с целью предотвращения «коммунистического переворота». Поступок Банди, вызвавший всеобщее негодование, был публично осужден участниками «тич-ина».

17 апреля 1965 г. СДО организовала в Вашингтоне первую демонстрацию в знак протеста против войны во Вьетнаме. Демонстрация, в которой приняло участие около 70 тыс. человек, способствовала значительному росту популярности организации. За три месяца СДО превратилась в самую авторитетную национальную студенческую организацию, а число ее отделений в университетах США выросло с 35 до 100.[18]

В мае 1965 г. при поддержке СДО радикально настроенными преподавателями был устроен антивоенный «тич-ин» в Калифорнийском университете, на котором присутствовало 12 тыс. человек.

Радикальные выступления студенческих организаций способствовали росту их популярности среди населения. В июне 1965 г. в законодательное собрание штата Джорджия был избран один из руководителей Национального студенческого координационного комитета Джулиан Бонд. Однако в нарушение всех демократических норм результаты выборов были объявлены недействительными, вследствие того, что Д. Бонд неоднократно выступал с публичным осуждением империалистической политики США во Вьетнаме.

Одновременно под натиском демократического движения правящей верхушке США пришлось пойти на новые уступки в области гражданских прав. В августе 1965 г. после ожесточенных схваток в конгрессе был подписан новый закон о гражданских правах, отменивший некоторые ограничения избирательных прав негритянского населения. Закон 1965 г. ознаменовал собой конец периода «легализма» — борьбы в рамках буржуазной законности за принятие соответствующих законодательных актов. Теперь предстояло добиться претворения их в жизнь.

Лето 1965 г. ознаменовалось волнениями в негритянском гетто Лос-Анжелеса. В сражениях между жителями гетто и полицией погибло более 30 человек. События в Лос-Анжелесе наглядно показали истинную ценность буржуазного законодательства. Это был вынужден признать и М. Л. Кинг, ранее придерживавшийся исключительно реформистских взглядов, который заявил, что для решения проблем негритянского населения одного движения за гражданские права не достаточно.

В связи с распространением выборочной воинской повинности на новые слои молодежи, в том числе и студенчества, летом 1965 г. возник новый вид протеста — сжигание приписных свидетельств. По требованию Пентагона, обеспокоенного этим явлением и усмотревшего в нем угрозу устоям общества, конгресс США принял закон, объявлявший уничтожение приписных свидетельств уголовным преступлением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта акция конгресса вызвала глубокое возмущение молодежи и всей демократической общественности, а также либералов.

Вместе с тем с середины 1965 г. Пентагон стал использовать призыв на военную службу для поддержки социальной политики монополий. В изданном Пентагоном 1 июня 1965 г. секретном циркуляре, ставшем достоянием гласности два года спустя, предписывалось призывать на военную службу в первую очередь тех, «кто не вносит максимального вклада на благо общества». Таким образом перспектива погибнуть во Вьетнаме, защищая интересы государственно-монополистического капитала, открывалась в первую очередь для тех, кто, не имея связей, не смог устроиться в крупных корпорациях, то есть выходцев из низших и, главным образом, средних слоев населения. Эта социальная несправедливость усугублялась еще и тем, что представителям этих слоев и так уже пришлось вынести тяжелое бремя расходов по обучению.[19] Подобная политика Пентагона, естественно, не могла не способствовать дальнейшей радикализации настроений.

Движение против войны росло и ширилось, охватывая все новые и новые слои общества. Радикальные студенческие организации принимали непосредственное участие в подготовке и проведении акций протеста.

В октябре 1965 г. состоялись национальные антивоенные демонстрации, организованные Национальным координационным комитетом за прекращение войны во Вьетнаме в рамках Международных дней протеста, закончившихся грандиозной антивоенной демонстрацией в Вашингтоне. Октябрьские демонстрации охватили 93 города США.

В ноябре состоялась новая демонстрация протеста в Вашингтоне, организованная Национальным комитетом за разумную ядерную политику и СДО, в которой приняло участие около 40 тыс. человек. Перед участниками демонстрации выступил с речью председатель СДО Карл Оглсби.

---

[18] «The New Left», p. 479.

[19] В 1965/66 учебном году обучение в частных колледжах стоило в среднем 2860 долл., в государственных — 1860 дол. в год. («Admission to Rutgers — The State University». New Brunswich, 1966, p. 57). Стоимость университетского образования к 1969 г. составила около 4 тыс. долл. в год. («US News and World Report» April 14, 1969, p. 48). Для большей наглядности можно указать, что в 1967 г. в США из 200 млн. чел. населения, по некоторым данным, 35 млн. имели доход на семью менее 3 тыс. долл. в год («The Changing American Economy» ed. by John R. Coleman. N. Y.—London, 1967, p. 91). См. «США: от «великого» к больному...». М., 1969, стр. 318, 27.

Организация крупномасштабных антивоенных демонстраций выдвинула СДО в ряды наиболее влиятельных общенациональных студенческих организаций, поставив на повестку дня вопрос о тактике и методах работы. В этот период, как отмечают И. Валлерстайн и П. Старр, перед СДО открывался ряд альтернатив: борьба за создание общенационального антивоенного движения, объединяющего различные слои американского населения, борьба за гражданские права негров, участие в избирательных кампаниях в рамках существующей двухпартийной системы и т. д. Тем не менее в период 1965—66 гг. СДО постепенно свернула работу в гетто и обратилась почти полностью к университетским проблемам, взяв курс на организацию университетского студенческого движения. Такое сужение поля деятельности организации в немалой степени объясняется разочарованием результатами избирательной кампании 1964 г., в ходе которой Демократической партии свободы не удалось оправдать возлагавшихся на нее надежд, а также возникновением и деятельностью экстремистского течения националистически настроенной части негритянского населения, выдвинувшего летом 1966 г., после похода в штат Миссисипи, когда был ранен один из негритянских лидеров, Джеймс Мередит, лозунг «Власть черным!». С этого времени левое студенческое движение США развивается в виде двух автономных течений: движения белых радикалов и леворадикального негритянского движения за расовое равноправие и гражданские права. Следует, однако, отметить, что основные проблемы студенчества движением белых радикалов рассматривались, как правило, в общем контексте подъема негритянского и антивоенного движений.

В 1966—67 гг. Пентагон под предлогом необходимости расширить призываемый контингент молодежи вследствие нехватки кадров ввел специальные отборочные экзамены. Было официально объявлено, что лица, набравшие не менее 70 баллов, освобождаются от военной службы. Введенные в заблуждение этим обещанием, миллионы студентов университетов и колледжей стали сдавать экзамены. Вскоре, однако, оказалось, что из числа лиц, не набравших положенных 70 баллов (10% всех сдававших в северных штатах и 45% — в южных), были призваны на действительную военную службу и отправлены во Вьетнам лишь борцы за гражданские права и участники антивоенного движения.

Студенты реагировали волной сидячих забастовок. В мае «сит-ины» в знак протеста против войны и сотрудничества университетов с призывными комиссиями состоялись в Висконсинском, Чикагском, Рузвельтском (Чикаго), Корнельском (штат Нью-Йорк), Стэнфордском (Калифорния) и других университетах и колледжах. Студенты потребовали полной отмены балльной системы в университетах путем замены экзаменов зачетами. В этой обстановке перед преподавателями университетов,

которых обязали передавать сведения о студенческой успеваемости военному ведомству, встала нравственная проблема: ставя студенту низкую оценку, они тем самым отправляли его умирать во Вьетнаме. В мае 1966 г. группа профессоров Чикагского университета осудила введение такого правила. В опубликованном ими Заявлении педагогов по вопросу о выборочной воинской повинности они потребовали отменить систему баллов, выразив протест против попыток заставить педагогический коллектив содействовать призыву на военную службу в виде наказания. Тем не менее полного единодушия по этому вопросу у университетской интеллигенции не было. Так, преподаватели одного из факультетов Колумбийского университета выступили в защиту существовавшей системы призыва, однако они не нашли поддержки со стороны большинства профессорско-преподавательского состава университета, поддержавшего протест преподавателей Чикаго. В конце концов совет попечителей Колумбийского университета в апреле 1967 г. был вынужден отменить практику подачи сведений Пентагону, представив это как реформу учебного процесса, с тем чтобы их шаг вдруг не был истолкован как неодобрение официальной политики Вашингтона.

Весной и летом 1966 г. радикалы добились значительных успехов в ходе предвыборной кампании в законодательные органы штатов и конгресс. Редактор журнала «Рэмпартс» Роберт Шир, выдвинувший свою кандидатуру в конгресс от демократической партии и выступивший с антивоенной платформой, получил 45% голосов избирателей в округе.

В обстановке успеха радикальных сил и нового оживления негритянского движения, отмеченного бунтами жителей негритянских раойнов Чикаго и Кливленда, в августе 1966 г. в Клир Лейк (штат Айова) состоялся ежегодный съезд СДО, утвердивший новый программный документ «Студенческий синдикализм, или Пересмотренная реформа университета». На съезде было решено сконцентрировать внимание на политической работе в университетах. Одновременно была сформулирована стратегия «Власть студентам!», пердусматривавшая увеличение участия студентов в управлении университетами. Руководство СДО исходило из того, что, выступая против регламентирования жизни студентов администрацией университетов, они тем самым наносят удар по одному из механизмов, превращающих студентов в безропотных членов существующего общества. Вместе с тем выдвинутый лозунг «Власть студентам!», по-прежнему отводивший роль преобразователя общества студентам и интеллигенции, хотя он и свидетельствовал об определенном прогрессе во взглядах на методы достижения поставленных целей, практически в общем и целом означал ориентацию, как и ранее, в основном на либерально настроенное студенчество, реформистскую деятельность и конституционные методы борьбы.

Тем временем обстановка в стране становилась все более и более напряженной. Осенью 1966 г. произошли выступления студентов Йельского и ряда других университетов против призыва на военную службу. Студенты выдвинули лозунг «Не пойдем!», который вскоре стал символом борьбы против приказа Пентагона идти умирать в джунглях Южного Вьетнама.

В декабре Национальный совет СДО принял резолюцию, резко осуждавшую войну во Вьетнаме. Резолюция определила существовавшую воинскую повинность как принудительную и антидемократичную и призвала к созданию организаций для борьбы с ней.

Университеты и военно-промышленный комплекс

К концу 1966 г. получили широкую огласку связи крупнейших учебных заведений страны с военно-промышленным комплексом.

Секретные военные исследования выполнялись по контракту профессорско-преподавательским составом, научными сотрудниками и аспирантами университетов и колледжей. В некоторых случаях для этих целей создавались специальные организации. Так, в 1956 г. был создан Институт военных исследований (ИВИ), в работе которого принимали участие научные кадры двенадцати университетов, в том числе Чикагского, Колумбийского, Принстонского и др. Ряд университетов имеет собственные научные подразделения, непосредственно выполняющие исследования для военных целей. Например, при Калифорнийском университете существуют Радиационная лаборатория в Лорренсе и Научная лаборатория в Лос-Аламосе, имеющие штат из 11850 чел. Бюджет этих лабораторий в 1966 г. составлял 265 млн. долларов. [20]

Зимой 1966 г. студенты Висконсинского университета открыли, что в университете ведутся химические и бактериологические исследования для войны во Вьетнаме. В журнале «Рэмпартс» были опубликованы материалы, разоблачавшие сотрудничество Мичиганского университета с ЦРУ в разработке мер по борьбе с демократическими движениями для сайгонского марионеточного режима Нго Динь Дьема.

Стало известно также, что ряд крупнейших корпораций, которым было предоставлено право вербовать студентов выпускных курсов для работы по окончании университета, были непосредственно связаны с грязной войной во Вьетнаме. Так, один из крупнейших монополистических концернов мира, «Доу кемикл», не только участвовал в разработке ядерного и термоядерного оружия, будучи поставщиком Комиссии по атомной энергии США, но и являлся производителем напалма, сбрасывавшегося на мирных жителей Вьетнама. С 1964 г. по 1966 г.

[20] «The University Crisis Reader», v. 1, p. 218.

этот концерн на крови и страданиях вьетнамских крестьян увеличил свои прибыли до 242 млн. долларов, то есть почти в два раза. [21]

Первые большие столкновения студентов с «истэблишментом» произошли в начале декабря 1966 г. в Беркли. Студенты-члены СДО попытались установить рядом со столами вербовщиков ВМС свои столы для ведения антивоенной пропаганды. Чтобы восстановить «порядок», администрация университета вызвала полицию. В знак протеста студенты устроили сидячую забастовку. Для ее разгона потребовалось 100 полицейских. Девять студентов были арестованы, десятки ранены. На состоявшемся вслед за этим митинге, в котором приняло участие около 10 тыс. студентов, было решено объявить всеобщую забастовку. Хотя забастовка закончилась через пять дней поражением студентов, их пример был подхвачен студентами других университетов. С января по июнь состоялись демонстрации и «сит-ины» в знак протеста против сотрудничества университетов с ЦРУ в Колумбийском, Висконсинском университетах, университете штата Айова и др. Массовые сидячие забастовки, сопровождавшиеся арестами студентов, протестовавших против деятельности на территории университетов представителей «Доу кемикл», прошли в Висконсинском университете и Клермонском колледже (Калифорния), где студенты выгнали вербовщиков фирмы не только из колледжа, но и буквально из города. Студенты Колумбийского университета, несмотря на противодействие правых организаций, изгнали из университета вербовщиков морской пехоты.

В связи с получившими огласку связями университетов с военно-промышленным комплексом и ЦРУ и ростом движения протеста студенчества в среде университетской интеллигенции развернулись бурные дискуссии, продолжавшиеся до самого конца 60-х годов.

Реакционно настроенная профессура, получавшая огромные гонорары, будучи консультатами многих крупных фирм и советниками правительственных учреждений, выступила за продолжение военных исследований. В противном случае, утверждали профессора, будет нарушена свобода личности, свобода преподавателя и студента вести любые исследования по собственному усмотрению. Некоторые представители «военно-университетского комплекса» открыто выступили с пропагандой военного психоза. Так, «отец водородной бомбы» Теллер заявил, что, если военные исследования в университетах будут прекращены, Америка окажется безоружной.

Либералы и радикалы выступили с критикой существующей практики. Однако либеральная университетская интеллигенция

[21] «Крупнейшие монополии мира. Краткий справочник». М., 1968, стр. 135.

в общем и целом осудила связь с военным ведомством отнюдь не потому, что это ведет к росту милитаризма, и даже не из соображений абстрактного гуманизма. По их мнению, участие университетов как юридического лица в деятельности «фабрик смерти» трудно совместить с принципом нейтральности учебных заведений. Сам факт проведения секретных разработок противоречит принципу свободного и открытого исследования. И в довершение ко всему, существование подобных связей компрометирует преподавателей и студентов как «нейтральных, беспристрастных критиков политики правительства».

Радикалы выдвигали иные аргументы. Военные исследования порочны не потому, что университеты должны быть политически нейтральны, свободны от правительственного контроля, и не потому, что исследования не следует держать в тайне. Они порочны по своей природе. Научные исследования должны служить делу созидания, а не разрушения. В существующем же виде они помогают вести войну во Вьетнаме и подавлять национально-освободительное движение народов «третьего мира».

В докладе комиссии, назначенной из профессорско-преподавательского состава Стэнфордского университета для выработки рекомендаций по вопросам планирования научно-исследовательских работ, представленном совету университета 1 сентября 1967 г., говорилось, что следует запретить исследования и работу над диссертациями, тематика которых может быть засекречена, не принимать средств для выполнения секретных работ как для нужд промышленности, так и работ социологического характера. В последнем случае имелись в виду работы по изучению общественного мнения, результаты которых используются для борьбы с патриотическими и антиимпериалистическими движениями.

Что касается методов борьбы, то либеральная университетская интеллигенция поддержала студенчество лишь на первом этапе, когда дело ограничивалось протестами в форме мирного пикетирования, распространения листовок, выступлений на митингах с речами против «Доу кемикл», напалма и войны. Когда же действия студентов приняли более решительный характер, когда студенты стали изгонять вербовщиков из университетов, их действия встретили осуждение либерально настроенной основной части преподавателей, усмотревших и здесь нарушение гражданских свобод и 14 поправки к конституции США, хотя «Доу кемикл», являясь юридическим, а не частным лицом, не подпадает под ее действие.

Однако передовые представители университетской интеллигенции их не поддержали. В защиту студентов выступил известный историк Генри Коммаджер, профессор исторического факультета Бостонского университета Говард Зинн и другие видные ученые. Так, в статье, опубликованной в 1967 г. в газете «Бостон юниверсити ньюс» и распространявшейся во многих

университетах США в виде листовок, Г. Зинн оправдывал действия леворадикального студенчества. Нарушения принципа свободы взглядов в действиях студентов нет, писал профессор Зинн, ибо «Доу кемикл» не только никто не препятствовал высказывать свои взгляды, наоборот — их к этому неоднократно призывали. Действия же компании влияют на жизнь и свободы других людей. Поэтому закон, запрещающий вербовку людей для разработки, усовершенствования и производства веществ, предназначенных для сжигания заживо людей, был бы так же оправдан, как Закон о санитарной проверке мяса 1906 г. или законы, запрещающие продажу яда во всех бакалейных лавках, убийства, насилие, поджог, в существовании которых никто не усматривает посягательства на гражданские свободы. И если правительство, утверждал профессор Зинн, могущее принять такой закон, не хочет этого сделать, будучи само заказчиком «Доу кемикл», люди должны настойчиво требовать введения этого закона, взяв его проведение в жизнь в свои руки. [22]

Массовые студенческие выступления, давление со стороны общественного мнения заставили администрацию многих университетов пойти на разрыв с военными организациями, продать акции компаний, специализирующихся на военном производстве. Однако связи, не ставшие достоянием гласности, чаще всего сохранялись. Стэнфордский, Миннесотский, Нью-Йоркский и ряд других университетов по-прежнему вели военные исследования, хотя и в меньших масштабах. Кроме того, даже после формального разрыва ликвидированные научные подразделения могли возродиться в виде «независимых» организаций типа РЭНД корпорейшн, мозгового треста американских ВВС.

Вследствие этого студенты не просто требовали порвать связи или продать пакет акций, а выдвигали своего рода позитивную программу: превратить проводимые военные исследования в мирные, способствующие решению насущных проблем общества — бедность, положение в негритянских гетто, борьба с эрозией почв и загрязнением окружающей среды. Эта часть программы встретила одобрение либеральных кругов, однако к этому времени студенчество, используя в своих интересах либеральный протест, перестает возлагать на него особые надежды, убедившись в его неэффективности.

От «сит-инов» к всеобщей стачке

В апреле 1967 г. по всей Америке прошли многочисленные антивоенные демонстрации, организованные в рамках Весенней мобилизационной кампании против войны. Кульминационным моментом кампании явились массовые демонстрации в Нью-Йорке и Сан-Франциско, в которых приняло участие соответст-

[22] «The University Crisis Reader», v. 1, p. 248—255.

венно 200 и 65 тыс. человек [23]. На митинге, состоявшемся в Нью-Йоркском центральном парке, сотни молодых людей в знак протеста против несправедливой войны во Вьетнаме публично сожгли свои приписные свидетельства. Постепенно намечается тенденция к переходу от разрозненных выступлений к более массовым и координированным. Непосредственно вопрос о координации студенческих выступлений был поставлен в качестве основного на повестку дня съезда СДО, состоявшегося в июне 1967 г. в Энн-Арбор (штат Мичиган), явившемся значительной вехой на пути создания массового студенческого движения.

Летом 1967 г. более 30 тыс. студентов приняли участие в летней кампании протеста против войны во Вьетнаме, прошедшей более чем в 700 городах США [24].

Осенью по стране вновь прокатилась волна антивоенных демонстраций и митингов под лозунгом «Остановите призыв!».

В октябре была проведена Неделя протеста против призыва на военную службу. Только за первый день было собрано и возвращено Пентагону в знак протеста 150 приписных свидетельств. В некоторых городах, в частности в Окленде (штат Калифорния), демонстрации сопровождались столкновениями с полицией.

21 октября состоялся поход на Вашингтон, в котором участвовало до 100 тыс. человек. [25] В походе приняли участие писатели Норман Мейлер и Сидней Ленс, поэт Роберт Лоуэлл, известный литературный и художественный критик Дуайт Макдональд, известный ученый-лингвист, профессор Массачусетского технологического института Наум Чомски и другие видные представители американской интеллигенции.

21 ноября 1967 г. тысячи студентов колледжа Сан-Хосе (Калифорния), возглавляемые СДО, устроили демонстрацию против войны во Вьетнаме и деятельности вербовщиков «Доу кемикл», в распоряжение которых был предоставлен административный корпус. Студенты перегородили цепями вход в здание, публично сожгли американский флаг и изображение президента Джонсона. На территорию колледжа была вызвана полиция, пустившая в ход дубинки и слезоточивый газ. Ректор колледжа Уильям Дузел отказался вести переговоры со студентами. Губернатор штата Риган потребовал наказать зачинщиков, заявив при этом репортерам, что его требования являются не политическим вмешательством в дела высшего образования, а якобы лишь мерой для его сохранения. Однако в конце концов администрация была вынуждена пойти на уступки, начав переговоры с представлявшей студентов СДО.

[23] «The New Left», p. 480.
[24] Ibid., p. 481.
[25] Edward M. Kennedy. Decisions for a Decade. N. Y., 1968, p. 59.

К концу 1967 г. от тактики пассивного политического протеста, от организации сидячих забастовок радикальные студенческие организации перешли к применению силы как методу выражения протеста. Шире стали трактоваться и стоящие перед студенческими движением задачи: оно стало все чаще и чаще рассматриваться как часть антиимпериалистической борьбы за справедливое переустройство общества.

«Социальный строй, против которого мы восстаем, — писал в статье «К организованному сопротивлению», опубликованной 13 ноября 1967 г. в «Нью лефт ноутс», один из руководителей СДО, Карл Дэвидсон, — строй тоталитарный, манипулятивный, репрессивный, антидемократический. Уважать буржуазные свободы и действовать в их рамках при господстве такого строя значит оставаться порабощенным, ибо существующая судебная машина служит для сохранения данного строя, втискивая потенциальные силы, выступающие за его изменение, в прокрустово ложе его границ. В результате этого долг революционера не только не принимать, но и практической деятельностью подавлять антидемократические акции господствующего строя.» [26]

Ставя под сомнение моральное право американского империализма вмешиваться в дела народа Вьетнама, передовая часть американского общества распространила свою критику на всю американскую внешнюю политику, а затем и на всю американскую социальную систему в целом. Как отмечалось выше, инициатором такой критики выступила передовая университетская интеллигенция, организовав в 1965 г. первые «тич-ины».

Осенью 1967 г. было опубликовано и распространено заявление «Призыв к сопротивлению противозаконной власти», адресованное «молодежи Америки, всему американскому народу, всем людям доброй воли». Авторы обращения — сто представителей американской интеллигенции, в том числе и профессора университетов — заявили, что считают законным возмущение молодежи войной, которая противоречит конституции, нормам права и уставу ООН и является нарушением взятых на себя США международных обязательств, в первую очередь Женевских соглашений 1954 г. США совершают во Вьетнаме действия, аналогичные тем, которые ими же самими были осуждены на Нюрнбергском процессе как преступление против человечества. Поэтому, говорилось в заявлении, «каждый свободный человек имеет юридическое право и морально обязан сделать все возможное, чтобы покончить с этой войной, ни в коем случае ее не поддерживать и поощрять к тому же других... Мы призываем всех людей доброй воли присоединиться к нам в конфронтации с аморальной властью. Особенно мы призываем университеты выполнить свою миссию просвещения, а религиозные организа-

[26] «The University Crisis Reader». v. 2, pp. 137—138.

ции следовать заветам братства. Настало время перейти к сопротивлению! [27]

Это заявление было встречено большинством интеллигенции как экстремистское, призывающее к анархии и хаосу. Одним из основных аргументов против поддержки университетской интеллигенцией радикального студенческого движения и тем более участия в нем была так называемая концепция профессиональной ответственности преподавателя, трактующая долг педагога перед обществом как обязанность всемерно способствовать его сохранению. Наглядной иллюстрацией слабости либеральной тактики университетской интеллигенции явились события, имевшие место в колледже «Сан-Франциско стейт» в октябре—декабре 1967 г.

16—21 октября 1967 г. в Окленде (Сан-Франциско) состоялись студенческие выступления за прекращение призыва на военную службу, против деятельности вербовщиков Пентагона, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. В демонстрациях приняло участие 20 преподавателей колледжа. Двое из них были арестованы, у всех была удержана часть зарплаты. После этого, в ноябре, администрация на неделю отменила занятия, созвав общее собрание преподавателей, которое приняло резолюцию, предоставлявшую вербовщикам свободу действий на территории колледжа. Это дало возможность администрации колледжа утверждать, что, санкционируя деятельность вербовщиков Пентагона, ЦРУ, ЮСИС и других подобных им организаций, оно лишь выполняет волю большинства, хотя также считает войну аморальной.

Увольнение антивоенно и антирасистски настроенных преподавателей, связи колледжа с военно-промышленным комплексом, фактическое отстранение студентов от управления колледжем, преследование прогрессивных студентов и преподавателей по политическим соображениям явились причиной мирной демонстрации, назначенной на 6 декабря. Демонстрация была организована СДО, экстремистской Прогрессивной рабочей партией и Союзом студентов-негров. 2 тыс. студентов попросили администрацию выслушать их претензии. В ответ представители администрации распорядились закрыть административный корпус и разошлись по домам, продемонстрировав полное равнодушие к проблемам студентов. 300 студентов и ряд преподавателей, в том числе и негров, во главе с преподавателем Джоном Джерасси в знак протеста проникли в административный корпус.

В полном соответствии с принципами «либерального университета» Джерасси, специалист по радикальным движениям в Латинской Америке, неоднократно критиковавший внешнюю политику США, был принят на работу «для оживления учеб-

[27] «The University Crisis Reader», v. 1, p. 190.

ного процесса». Однако он излагал свои взгляды и перед студенческой аудиторией, утверждая, что действовать надо не словами, а примером, как поступили на Кубе, где он незадолго до этого побывал. «Истинные американские патриоты должны не только на словах выступать против войны во Вьетнаме, но и своими действиями способствовать падению американского империализма, вступая даже в интернациональные бригады, если об этом попросит Вьетнам» [28].

Джерасси был обвинен в нарушении преподавательской этики и уволен. Вслед за этим последовали репрессии против радикально настроенных студентов и преподавателей. Инициатор репрессивных мер, заведующий кафедрой международных отношений Маршалл Уиндмиллер, рядившийся в тогу противника войны, отозвался о Джерасси: «Это пропагандист, а не педагог», пояснив, что «пропаганда ведет к действиям, а педагогика — нет».

В письме, опубликованном в журнале «Нью-Йорк ривью оф букс» 11 апреля 1968 г., Джерасси выразил взгляды наиболее радикальной части университетской интеллигенции: «Политически сознательные преподаватели должны играть активную роль в движении инакомыслящих, выступая против системы на всех уровнях и в первую очередь в университетах — в аудитории, у столов вербовщиков, в Совете университета, на собраниях преподавателей и т. д. В тех случаях, когда требования студентов касаются не только внутриуниверситетских ограничений, но и представляют собой выступления против системы «вне университетов», долг преподавателя — активно выступить вместе со студентами, даже если он рискует при этом потерять работу» [29].

Объясняя мотивы своего поступка, Уиндмиллер заявил, что преподаватели не должны активно участвовать в радикальных акциях, что бы ни происходило вне университета. Напротив, они всем своим поведением должны призывать студентов не следовать примеру президента Джонсона, злоупотреблявшего властью. Подобный взгляд, получивший широкое распространение в университетских кругах, весьма типичен для выступающих с позиций абстрактного гуманизма либералов, которые, искренне возмущаясь расизмом, преступлениями, совершавшимися американским империализмом во Вьетнаме и Санто-Доминго, мгновенно становились консерваторами, как только дело касалось их самих.

Часть университетской интеллигенции категорически осудила как цели студенческих выступлений, так и средства, применявшиеся для их достижения, претендуя на роль «посвященных», познавших «высшую мудрость», маскируя тем самым апологетику существующего строя.

[28] «The University Crisis Reader», v. 2, p. 356.
[29] Ibid., pp. 355—356.

Один из наиболее ярых противников студенческого движения, бывший посол США в СССР профессор Джордж Кеннан, автор пресловутой концепции «сдерживания коммунизма», выступая с речью в Суортморском колледже в декабре 1967 г., заявил, что студентов, занимающихся политикой, нельзя назвать студентами, так как они якобы ничему не учатся, а лишь разрушают то, что характерно для университетов: «отрешенность от современности»,— не понимая, что «зло в этом мире заключено не в социально-политических институтах и, как правило, не в дурных намерениях или несправедливых поступках государственных деятелей, а в слабости и несовершенстве самой человеческой души». Кеннан резко осудил методы протеста, применяемые студентами, их отрицание «истэблишмента», обвинив их в отсутствии конструктивной программы, которую он трактует как меры по «модернизации» капиталистического строя. «Если бы у левого студенчества была программа конституционных или политических реформ,— заявил Кеннан,— если бы оно выдвигало конструктивные предложения о том, как приспособить нашу политическую систему к требованиям времени, если бы оно бунтовало во имя этого и если бы этот бунт принял вид аргументированной дискуссии и споров или даже мирной демонстрации, сопровождаемой аргументированной дискуссией и спорами, в этом случае, я уверен, многие из нас с уважением отнеслись бы к такому протесту и мы бы не отказались либо выступить в защиту институтов и норм, с которыми прожили всю жизнь, либо поддержали этих молодых людей в стремлении найти лучшие институты и нормы» [30].

Начало 1968 г. было отмечено студенческими выступлениями, непосредственно не связанными с войной во Вьетнаме.

В апреле 1968 г. произошли волнения в Колумбийском университете. Непосредственной причиной выступления студентов явился отказ администрации прекратить строительство спортивного зала в парке, которым пользовались жители расположенного рядом негритянского гетто.

С Колумбийским университетом тесно связана жизнь тысяч жителей близлежащих трущоб — негров и пуэрториканцев, составляющих основную часть обслуживающего персонала университета. Тяжелые условия работы и мизерная заработная плата толкали рабочих на выступления в защиту своих прав, однако борьба, которую они вели с 1928 г., за право организовать профсоюз встречала упорное сопротивление администрации университета. На протяжении ряда лет университет расширял территорию за счет гетто, оставляя без крова тысячи людей. Протесты насильственно выселяемых жителей встречали сочувствие у студентов, в первую очередь у студентов-негров, обвинявших

[30] «The New York Times Magazine», January 21, 1968, pp. 69—71.

университет в проведении расистской политики. Строительство сегрегированного спортзала, в котором молодежь гетто, вопреки всем обещаниям администрации, могла пользоваться, как оказалось, лишь 15% спортивного оборудования, входя с черного хода, и к тому же должна была платить за услуги (кроме света и отопления), вызвало возмущение как негритянских студенческих организаций, так и белых студентов-радикалов. Не встретив понимания со стороны администрации, студенты разгромили кабинет президента университета Грейсона Кирка и заняли пять корпусов, водрузив над одним из них красный флаг.

Студенты требовали прекратить строительство сегрегированного спортзала, порвать отношения с Пентагоном (Грейсон Кирк и член совета попечителей У. Берден активно сотрудничали с Институтом военных исследований), отменить запреты устраивать демонстрации на территории университета, не преследовать их участников, а решения о дисциплинарных взысканиях принимать публично, с участием представителей как администрации и профессорско-преподавательского состава, так и студентов.

Как восприняли действия студентов представители университетской интеллигенции, какую роль сыграли они в событиях, развернувшихся в Колумбийском университете весной 1968 г.?

Основная часть преподавателей и научных сотрудников выступила в конфликте между студентами и администрацией в качестве посредника.

После безуспешных попыток заставить студентов, руководимых СДО и негритянскими организациями, отказаться от своих требований президент университета Грейсон Кирк объявил о намерении призвать на помощь полицию. Часть преподавателей, не поддержавших его, образовала Инициативный комитет преподавателей. Члены его считали, что революционно настроены далеко не все студенты: часть студентов, критически относясь к обществу, не отрицает его полностью и, обличая коррупцию, царящую в университетах, возлагает надежды на реформы. Поэтому менее радикально настроенных участников волнений предлагалось оторвать от радикального руководства. Руководство комитета, состоявшее из высшей профессуры, из числа тех, кого Н. Чомски назвал «новыми мандаринами», отнюдь не сочувствовало восставшим. «Лишь одно опасение толкнуло нас на действия — опасение применения насильственных действий, лишь одна надежда поддерживала нас в течение четырех бессонных ночей — надежда на то, что вмешательство третьей стороны, свободной от бескомпромиссности обеих сторон, поможет найти мирный и справедливый выход», — вспоминал один из его участников [31].

[31] «The University Crisis Reader», v. 2, p. 335.

События в Колумбийском университете, сопровождавшиеся выступлениями студентов других высших учебных заведений: Северо-Западного (штат Иллинойс) и Стэндфордского университетов, колледжа Чейни (штат Пенсильвания) и др.,— свидетельствовали о возросшей организованности студенческого движения, о переходе к радикальным методам борьбы. В этой обстановке даже той части университетской интеллигенции, которая ранее полностью поддерживала «истэблишмент», объясняя рост демократических движений происками мифических «подстрекателей» извне, пришлось отступить от практики замалчивания истинных причин.

Грейсон Кирк, бывший профессор международных отношений, выступая 12 апреля 1968 г. в Виргинском университете по случаю 225-летия со дня рождения Т. Джефферсона, был вынужден признать связь между империалистической внешней политикой и внутренними проблемами: «Непочтительное отношение к закону и власти стало настолько общепринятым, что его естественный компонент, насилие, уже почти не считается чем-то нереспектабельным... Все большее и большее число нашей молодежи отвергает все формы власти, откуда бы она ни исходила, впадая в буйный примитивный нигилизм, единственная цель которого — разрушение». Определенную часть вины за создавшееся положение он возложил на радикальные элементы общества: «Если уж наши учителя и служащие наших правительственных учреждений позволяют себе бастовать, чтобы навязать нашему народу свою коллективную волю, я склонен думать, что в нашем обществе что-то не так». Заявив, что хотя политика США, на его взгляд, «формулировалась честными, искренними патриотами, никак не заслуживающими той клеветы, которой их подвергают, и оказавшимися против воли втянутыми в трагическую ситуацию», Кирк призвал уйти из Вьетнама, ибо война вызвала раскол общества, невиданный со времен войны между Севером и Югом, превративший неподчинение закону в акт гражданского мужества, а также падение престижа США за рубежом.[36]

Отвечая на выступление Кирка, один из руководителей СДО, Марк Радд, в газете «Ап эгейнст зе уолл», органе СДО Колумбийского университета, от 22 апреля 1968 г. писал, что так называемый «нигилизм», о котором говорил Кирк, это конфликт не между представителями разных поколений, а между правящими и угнетенными. Чтобы показать, что именно не так в американском обществе, говорилось в опубликованной заметке, «мы можем указать на войну во Вьетнаме как на пример агрессивных войн, которые вы готовы вести, чтобы сохранить контроль над своей империей. Мы можем указать на то, что вы используете нас как пушечное мясо в своих войнах. Мы можем

[36] «The University Crisis Reader», v. 2, pp. 424—427.

указать из окна вашего особняка на расстилающееся под ним гетто, которое вы помогли создать, проводя расистскую политику расширения территории, притесняя обслуживающий персонал, используя для этого свои городские власти и полицию. Мы можем указать на университет, ваш университет, готовящий из нас юристов и инженеров, управляющих для ваших ИБМ[37], Стандарт Ойл, Института военных исследований ...либо ученых и преподавателей для таких же университетов, как наш. Мы можем указать на наши бессмысленные занятия, кризис личности, на наше нежелание быть шестернями в вашей корпоративной машине как реакцию на больное в корне общество... Вы призываете к порядку и уважению власти, мы призываем к справедливости, свободе и социализму»[38].

Студенческие волнения в Колумбийском университете повторились в мае. Нередко они выливались в бесчинства, в акты мести отдельным, наиболее реакционным преподавателям. Так, студенты ворвались в кабинет Ореста Вейнума, профессора-«либерала», называвшего СДО фашистской организацией и неоднократно выступавшего с публичным осуждением «бунтов», и сожгли его рукописи. Преподаватели юридического факультета осудили поступок студентов, обвинив их в нарушении четвертой поправки к конституции, защищающей американцев от не санкционированных законом обыска и ареста. Ряд других преподавателей поддержали протест студентов, заявив, что никто не имеет права использовать университет для пропаганды расистских, милитаристских и проимпериалистических воззрений.

12 сентября 1968 г. колумбийское отделение СДО опубликовало специальную политическую интерпретацию студенческих волнений в Колумбийском университете — «Колумбийское заявление». В документе были раскрыты связи университета с военно-промышленным комплексом (в 1965 г. университет имел, по данным СДО, военные контракты на общую сумму 15835 тыс. долларов) и монополистическим капиталом. «Те же самые люди, которые управляют чудовищными корпорациями, интересы которых связаны с войной и империей, управляют и университетами... Хилсман и Бжезинский, помогающие создавать концентрационные лагеря во Вьетнаме, учат студентов в Колумбийском университете. Те же самые военные, которые подвергали бомбардировке города, насильственно переселяли жителей целых районов, уничтожали посевы, засылали провокаторов в организации участников революционных движений, шантажиро-

[37] ИБМ («Интернэшнл бизнес машинс корпорейшн») — крупнейшая в мире монополия по выпуску электронной техники, контролируемая группой Моргана, один из основных поставщиков Пентагона, получившая в 1960—66 гг. военных заказов на общую сумму 3,3 млрд. долл. («Крупнейшие монополии мира», стр. 121).

[38] «The University Crisis Reader», v. 2, pp. 428—429.

вали малые страны, выступают против нас в университете в лице ИВИ, ЦРУ, РОТК (система подготовки офицеров запаса.— А. В.), в виде военных исследований» [39]. События в Колумбийском университете характеризовались как классовый конфликт между «законом Эндрю Карнеги, с помощью которого класс финансистов свободно распоряжается способностями и жизнью рабочих, и законом социалистического общества, при котором рабочие распоряжаются богатством, производимым ими для собственного освобождения» [40].

СДО осудила буржуазный анархизм, романтический утопизм, моралистов-индивидуалистов, противопоставляющих себя организованным революционным выступлениям. В документе на основе тезиса о том, что класс, контролирующий производственные отношения, контролирует и формы общественного сознания, был сделан вывод о необходимости изменения экономического базиса капиталистического общества, являющегося причиной всех социальных язв. «Социальная справедливость никогда не даруется теми, кто стоит у власти, она достигается организованной борьбой против класса, распоряжающегося всеми жизненными благами» [41],— говорилось в Заявлении.

Рассматривая события в университетах в широком контексте антиимпериалистической, антимонополистической борьбы за социалистическое переустройство общества, СДО раскрыла идейную слабость либеральной американской интеллигенции, ставшей символом политической беспринципности, резко осудив непоследовательность ее позиций.

«Многие профессора на словах заявляли о том, что согласны с нашими целями,— говорилось в Колумбийском заявлении,— и даже признавали (в частной беседе) необходимость наших действий, и тем не менее отказались выступить за амнистию студентам. Мы на практике убедились в том, что таким профессорам так же нельзя доверять, как и правительству. Они «соглашались» с нашими целями только для того, чтобы помешать нам их достичь. Точно так же либералы считают, что вьетнамцы должны быть независимыми, но им ни в коем случае не следует бороться с оружием в руках против иностранной оккупации» [42].

Клеймя поступки тех, кто, будучи частью военно-промышленно-университетского комплекса, изобрел формулы убийств и уравнения максимальной поражаемости, студенты писали: «Мы не можем не рассматривать современные формы насилия: «зеленые береты», ЦРУ, нервный газ, химикаты, глобальные стратегические разработки, психологические исследования,— как умственный аспект современного империализма. Самые чудовищ-

[39] «The University Crisis Reader», v. 1, p. 25.
[40] Ibid., p. 30.
[41] Ibid., p. 29.
[42] Ibid., p. 28.

ные преступления нашего века — не преступления, совершенные в состоянии аффекта, а интеллектуальные преступления... Многие университетские преподаватели предпочтут, чтобы от новых изобретений погиб миллион вьетнамцев, нежели согласятся нарушить «гражданские свободы» двух профессоров, занятых военными исследованиями. Либералы отказываются принять строгие меры против насилия, которое чинит университет, но с готовностью прибегают к полицейским мерам для борьбы с народным недовольством.

В этом вся мораль либерального представления о насилии. Либералы осуждают насилие, когда речь идет об изменении существующего строя, но, защищая его, они не остановятся перед самыми бесчеловечными акциями» [43].

«В течение многих лет,— отмечалось в Заявлении,— либеральная и реакционная интеллигенция считала себя обитателем некоего святилища, которое якобы стоит в стороне от мелочных ссор людского общества, хотя и может на них влиять...

Профессора Колумбийского университета часто утверждают, что университет — нейтральное заведение. На самом же деле то, что большинство профессоров называет нейтралитетом, является нежеланием признать классовую основу своих наук. Интеллигенция — социальный слой внутри буржуазного общества. Положение, кастовые привилегии, характер труда «интеллигенции» связан с существующим способом производства, при котором один класс присваивает стоимость, созданную другим. Поэтому американская интеллигенция стремится сохранить, а не изменить существующий способ производства. В Беркли, Чикаго, в Колумбийском университете преподаватели выступили против собственных студентов, когда те стали отстаивать свои права радикальными средствами... То, что либералы называют нейтралитетом, на самом деле лишь одно из средств, с помощью которых преподаватели сохраняют свое положение в обществе» [44]. Университет, заявляли студенты, не может быть свободным от ценностей, даже если захочет. Он может защищать положительные или отрицательные «ценности» или просто не сознавать, какие ценности защищает. В последнем случае он еще в меньшей степени нейтрален. Вместе с тем в документе говорилось: «Спор происходит не между радикалами и интеллигенцией, а между теми, кто требует поставить интеллект на службу человечеству.., и той частью университетской интеллигенции, которая отказывается употребить свои способности во имя общего блага» [45].

За антивоенными и антирасистскими выступлениями, имевшими место весной 1968 г., помимо Колумбийского университе-

[43] Ibid., pp. 34, 36.
[44] Ibid., pp. 45—46.
[45] Ibid., p. 47.

та, также в Северо-Западном и Стэнфордском университетах, колледже Чейни и других учебных заведениях — с 1 января по 15 июня прошло более 220 демонстраций в 101 университете и колледже [46] — последовали новые антивоенные выступления молодежи летом 1968 г., которые оказали значительное влияние на расстановку политических сил накануне президентских выборов 1968 г. В августе, во время съезда демократической партии, в Чикаго были организованы массовые демонстрации и митинги протеста против внешней и внутренней политики правительства Джонсона. Устроив избиение демонстрантов и организовав судебный процесс над руководителями молодежного движения, правящие круги США рассчитывали тем самым запугать молодежь. Однако 15 октября по инициативе Студенческого мобилизационного комитета была проведена новая антивоенная акция — «вьетнамской мораторий»,— в котором участвовало несколько миллионов человек, в том числе студенты более 400 учебных заведений страны. Протест студенчества явился одной из причин, побудивших Л. Джонсона не выставлять своей кандидатуры на выборах.

Студенческие волнения не прекращались в течение всего 1968 г.

В ноябре студенты Чикагского университета организовали пикетирование отеля, где попечители университета, семеро из которых представляли интересы финансовой группы Рокфеллеров, устроили банкет в честь вновь назначенного президента университета, пригласив на него 2 тыс. бизнесменов и политиков и лишь нескольких студентов. Когда начали произноситься речи, один из студентов, встав, выкрикнул: «Макджордж Банди, вы несете ответственность за геноцид во Вьетнаме! Вы пропитаны кровью, от вас пахнет смертью!» Другой: «Университетские средства, помещенные в банк попечителя Дэвида Кеннеди, поддерживают расизм в Южной Африке!» В течение четырех с половиной часов 150 студентов пикетировали отель с лозунгами протеста. Полиция пыталась разогнать студентов, угрожая арестами. Членам СДО удалось проникнуть в зал. Один из студентов, выкрикнув: «Макджордж Банди! Вы разработали нашу чудовищную политику во Вьетнаме. Теперь меня призывают там воевать. Вот мое приписное свидетельство и вот мой ответ на призыв!» — разорвал документ.

Вслед за этой акцией, носившей характер демонстративного протеста и благодаря прессе также вызвавшей определенный политический резонанс, в том же месяце страну облетела весть о волнениях в колледже «Сан-Франциско стейт», слывшем одним из самых либеральных учебных заведений США. Студенты, возглавляемые Союзом студентов-негров, в ультимативной

[46] L. Feuer, op. cit., p. 491.

форме потребовали включения в учебную программу курсов по истории и культуре негритянского народа. В случае отказа удовлетворить их требования студенты решили объявить всеобщую забастовку, заявив, что переговоры с администрацией вести бесполезно, поскольку они их вели уже два года, но это не дало никаких результатов.

В использовании студентами методов борьбы, заимствованных у пролетариата (забастовка, пикетирование и т. п.), несомненно, нашли свое отражение качественные сдвиги, произошедшие в социальной структуре студенчества: в 1967 г. около $^1/_4$ всех студентов были выходцами из рабочих семей [47].

Губернатор Риган и законодательное собрание штата передали всю полноту власти в колледже ректору и совету попечителей, лишив администрацию и профессорско-преподавательский состав права принимать решения. Преподаватели собрались на общее собрание, продолжавшееся несколько дней. Было принято семьдесят резолюций, которые не оказали на ход забастовки никакого влияния. Обвинив преподавателей в мягкотелости, Риган потребовал принятия решительных действий — изгнания бастующих студентов из колледжа. Небольшая часть радикально настроенных преподавателей в знак протеста объявила забастовку. Однако большинство поддержало не их, а профессора Хейакаву, пригрозившего прибегнуть к помощи полиции, если ему будут мешать вести занятия. Вызванная вооруженная полиция стала избивать безоружных студентов, в том числе и тех, кто не принимал участия в забастовке. Часть преподавателей попыталась вступиться за студентов, но в свою очередь стала жертвой репрессий.

Совет попечителей заставил президента колледжа Смита подать в отставку. На его место был назначен сторонник «жесткой линии» профессор Хейакава, который запретил любые не санкционированные им собрания, отказавшись вести какие бы то ни было переговоры с «хулиганами». Преподавателям, не проводившим занятий по расписанию, грозило увольнение. К колледжу было стянуто около 600 полицейских. Столкновения студентов с полицией продолжались около двух недель. Были случаи, когда преподавателей, протестовавших против жестокостей полиции, полиция избивала, надевала на них наручники. После одного дня, отмеченного особенно жестокими расправами, Хейакава цинично заявил: «Это был самый волнующий день в моей жизни, если не считать того дня, когда мне исполнилось десять лет и я впервые сел на аттракцион «американские горы» [48]. Власти объявили Хейакаву героем. Не согласные с его политикой преподаватели присоединились к забастовке, объявленной Американской федерацией учителей.

[47] «США: социально-политический кризис, проблемы рабочего и демократического движения». М., 1972, стр. 24.

[48] «Look», May 27, 1969, p. 66.

Следует отметить, что студенческие волнения 60-х годов в значительной мере способствовали возникновению и укреплению коллективного самосознания радикальной части университетской интеллигенции, принятию ими на вооружение методов борьбы, заимствованных у рабочего класса, о чем ярко свидетельствовала национальная забастовка ученых, последовавшая за забастовкой студентов и преподавателей Массачусетского технологического института 4 марта 1969 г. В определенной степени здесь нашли свое выражение и глубинные процессы демократизации науки в эпоху научно-технической революции, приток в науку выходцев из непривилегированных слоев.

Участие преподавателей в забастовках, коллективные выступления привели, с одной стороны, к организационному сплочению, а с другой стороны, к поляризации профессорско-преподавательского состава университетов и колледжей. Весьма показательно в этом отношении заявление доцента Л. Литвака, одного из участников событий в «Сан-Франсиско стейт»: «Мы не питали никаких иллюзий относительно того, что сможем одержать верх над той всесокрушающей силой, которую штат бросил против нас. Нас было меньшинство преподавателей, общественное мнение требовало принятия против нас репрессивных мер. Мы были злодеи, Хейакава — герой. Однако мы сознавали, что вернуться к старому без сопротивления значило морально деградировать. Мы могли потерять все: положение, должность, работу, дом — и все-таки мы бастовали. Мы выставили пикеты вокруг колледжа... Иногда нам был острашно, чаще мы испытывали радостное волнение. И все-таки мы сплотились, объединенные новым пониманием своих обязанностей по отношению к нашей работе и обществу» [49].

Взгляды реакционно настроенных преподавателей, упорно не желавших видеть истинные причины студенческих волнений, получили отражение в выступлении профессора колледжа Джона Банзела перед специальной комиссией по образованию Комитета палаты представителей по делам образования и занятости 25 марта 1969 г. В своем выступлении он обрушился на студентов, назвав их «бродячими бандами вандалов, чьи действия политизируют наш колледж, поляризуют преподавателей, нагнетают атмосферу нетерпимости, ярости и вражды». Обвинив студентов, сорвавших его спецкурс по антикоммунизму, в нарушении «свободы преподавания», а СДО — в провоцировании столкновений с полицией, Банзел резко осудил тех преподавателей, которые объявили забастовку в поддержку радикально настроенных студентов. Особое недовольство Банзела вызвала организационная сплоченность преподавателей — радикалов, которых он с раздражением назвал меньшинством, не выражавшим общего мнения.

[49] Ibid., p. 66.

«Где индивидуальности?»

К концу 1968 г. политические взгляды «новых левых» претерпели значительную эволюцию. События в Колумбийском университете и особенно студенческие волнения во Франции показали, что залогом успешных действий является не ориентация на либеральную интеллигенцию, а сближение с организованным пролетариатом. По иному стали трактоваться и задачи молодежного движения. На смену требованиям реформы университетского образования, рассматривавшимся как средство вовлечения студенческих масс в ряды радикального движения, была поставлена задача привести в движение другие слои общества, показывая пример борьбы за собственные права. Вскоре, однако, руководство СДО пришло к выводу, что один лишь «пример» не может привести к социальной революции. СДО начала работу на заводах и фабриках, поставив своей целью познакомить рабочих с теорией классовой борьбы. Вместе с тем «новые левые» на практике постигали искусство классовой солидарности и взаимовыручки. В ходе совместной работы в период летних каникул («уорк-ин») студенты постепенно убеждались в несостоятельности утверждений тех представителей буржуазной интеллигенции, которые претендовали на роль идеологов «новых левых» (Г. Маркузе и др.), об утрате пролетариатом США революционности, о превращении его в самую реакционную, зараженную расизмом часть общества и органическом врастании его в систему монополистического капитала. В своей деятельности СДО стала ориентироваться не на либеральное студенчество, а на поддержку со стороны негритянского движения и белых организованных рабочих. Резолюция, принятая на ежегодном съезде СДО в Энн-Эрборе (декабрь 1968 г.), отмечала: «В одиночку, без союза с рабочим классом, студенты не могут и никогда не смогут добиться падения капитализма. Наша борьба — классовая борьба» [50].

К концу 60-х годов тенденция к более тесной координации действий между белыми студентами, входящими в течение «новых левых», и негритянскими организациями, борющимися за расовое равенство, усилилась. С конца 1968 г. борцы за гражданские права негров стали принимать активное участие в антивоенных демонстрациях, организуемых белыми пацифистскими и студенческими организациями.

Политическая активизация негров привела к возникновению «черного национализма», течения, выступившего с лозунгами «Власть черным!», «Свободу немедленно!» и т. п., призывавшего к развертыванию партизанской войны в городах США. Эти лозунги разделяла вначале и возникшая в 1966 г. на основе

[50] «SDS Goes to Work». Ann Arbor, 1968, p. 3; «США: социально-политический кризис...», стр. 236.

СККНД организация «черные пантеры». Ее руководители, студенты Хью Ньютон и Бобби Сил, толковали лозунг «Свободу немедленно!» как вооруженное сопротивление любой власти белых.

К концу 60-х годов произошла значительная эволюция и во взглядах «черных пантер», постепенно оформлявшихся в политическую партию. «Черные пантеры», чьи позиции ранее характеризовались крайним национализмом, недооценкой значения революционной теории и роли рабочего класса, выступили за создание союза всех прогрессивных сил США. В 1969 г. «черные пантеры» высказались за создание единого фронта рабочих, как черных так и белых, выдвинув лозунг «Власть народу!» Поиски более широкой идеологической платформы свидетельствовали об отходе от позиций черных экстремистов. «Черные пантеры» стали называть себя марксистско-ленинской партией, хотя в их тактике по-прежнему значительная роль отводилась левоэкстремистским акциям, люмпен—пролетариату и т. п., что впоследствии привело к политической деградации организации, взявшей на вооружение концепцию «черного капитализма». Вместе с тем произошла определенная радикализация и старых, реформистских негритянских организаций — НАСПЦН, НГЛ и др.

В 1969—70 гг. при активном участии студенческих и негритянских организаций были проведены октябрьский и ноябрьский «вьетнамские моратории» (1969 г.) и другие массовые антивоенные выступления. После объявления 30 апреля 1970 г. приказа Никсона об эскалации военных действий в Камбодже по стране прокатилась волна студенческих демонстраций, начало которой положила мирная студенческая демонстрация 4 мая в Кенте, расстрелянная национальными гвардейцами.

В 1969 г. совет попечителей Калифорнийского университета уволил преподавателя философии негритянку Анджелу Дэвис, члена Коммунистической партии США. Анджелу Дэвис арестовали, предъявив ей ложное обвинение в совершении уголовного преступления. Однако в результате мощного движения протеста, в котором приняли участие все прогрессивные элементы американского общества, власти в конце концов были вынуждены освободить мужественную коммунистку.

Наметившаяся к концу 60-х годов тенденция к сближению леворадикального студенческого и негритянского движений, их некоторый поворот к рабочему классу, марксистско-ленинской идеологии и Коммунистической партии США вызвали серьезную тревогу у правящих кругов. В обстановке жестокого террора, направленного на физическое истребление активистов «черных пантер», так и не сумевших преодолеть сектантства, произошло общее ослабление негритянского движения, расколовшегося на ряд разнородных течений.

К концу 60-х годов перед студенческим движением США также встала задача превращения того рыхлого альянса довольно пестрых по своему составу радикальных сил, каковой являли собой «новые левые», в организацию, способную продолжить антиимпериалистическую и антимонополистическую борьбу на более высоком уровне, соответствующем тому уровню идейно-политической зрелости, которого «новые левые», несмотря на мелкобуржуазную революционность, в общем и целом достигли к концу 60-х годов. Это потребовало четкого определения идеологических позиций и политических взглядов всех молодежных групп, входивших в течение «новых левых». Весной и летом в студенческих организациях развернулись дискуссии по идеологическим и тактическим вопросам. Произошел раскол в наиболее влиятельной организации «новых левых» — СДО. На национальном съезде в Чикаго в июне 1969 г. она распалась на две группировки: Революционное студенческое движение (РСД) и Рабоче-студенческий союз (РСС), который поддержала маоистская Прогрессивная рабочая партия. Каждая из этих группировок называла себя истинной СДО.

Вскоре после национального съезда в Чикаго в Революционном студенческом движении произошел дальнейший раскол. Часть молодых радикалов, выдвинувших лозунг «Действуй немедленно!», утверждала, что американское общество якобы созрело для революционного переворота. В связи с этим предлагалось немедленно перейти к вооруженному восстанию и тактике партизанской борьбы. РСД разделилась на РСД-1 («везермены»), отстаивавшую тактику уличных боев и террора, выступавшую с апологией наркомании как средства, вдохновляющего на «революционные подвиги», и гомосексуализма как вида протеста против моральных устоев буржуазного общества и РСД-II, объединившую в своих рядах «умеренных» во главе с Карлом Дэвидсоном. И РСД-I, и РСД-II называли себя марксистскими партиями. Кроме них, возникло множество других, более мелких групировок.

Будучи расколотой, СДО не смогла далее играть роль организующего центра студенческого движения. Политическая и идеологическая незрелость, мелкобуржуазная революционность подавляющего большинства студенческой молодежи привели к тому, что в университетах возросло влияние реформистских и троцкистских организаций типа Социалистического альянса молодежи и Социалистической рабочей партии.

С другой стороны, экстремистские акции «везерменов» и анархистов, выразившиеся в организации взрывов на промышленных предприятиях, связанных с военным бизнесом, в правительственных учреждениях и в университетах, поддержка студенческими организациями «черных пантер» в обстановке усиления негритянского левого экстремизма — все это вызвало новые репрессии со стороны властей и восстановило против сту-

дентов общественное мнение. Внутри университетов в связи с участившимися поджогами и взрывами бомб усиливаются требования покончить со студенческим радикализмом, причем на позиции сторонников «твердой линии» перешла часть преподавателей-радикалов и либералы. Многие ранее радикально настроенные преподаватели стали выступать в защиту ненасильственных действий, категорически осуждая применение силы. Часть университетской интеллигенции выступила с резким осуждением даже посреднической деятельности в конфликтах между студентами и администрацией.

Известный реакционер, профессор философии Нью-Йоркского университета Сидней Хук, в статье, озаглавленной «Троянский конь в американском высшем образовании», опубликованной зимой 1969 г. в журнале «Эдьюкейшнл рекорд», возложил вину за студенческие волнения в американских университетах на преподавателей-либералов, понимающих либерализм как обязанность выступить против любого применения физического насилия или полицейских мер, чем бы оно ни диктовалось.

6 мая 1969 г. газета «Уолл-стрит джорнал» поместила статью аспиранта Гарвардского университета Дж. Хелмса, который впоследствии стал штатным сочинителем речей для вице-президента Спиро Агню, известного своими нападками на американскую интеллигенцию. Комментируя студенческие волнения в Гарвардском университете, Хелмс называет источником всех университетских проблем «мягкотелость, слепоту и трусость преподавателей», которые почти никак не реагировали, когда студенты оскорбляли Макнамару, в течение семи часов не выпускали из здания вербовщиков «Доу кемикл» и совершали другие подобные акты. Особую ненависть Хелмса вызвала тенденция к организационному сплочению и согласованным действиям. «Здравомыслящие люди,— писал Хелмс,— не могут без отвращения беспрестанно слушать тех, кто говорит о мире во Вьетнаме и ведет войну у себя в стране, видеть безликие толпы, комитеты и организации, шагающие под одним знаменем, с одинаковыми повязками, поющие одну песню, скандирующие одно слово: «Стачка! Стачка!» Где же индивидуальности, которых я расчитывал встретить в Гарварде? Где оригинальные мысли? Где тонкая рафинированность? Где тщательно культивируемое своеобразие личности?» [51].

Профессор Хейакава, выступая в июне 1969 г. перед комиссией Национального комитета по расследованию причин и предотвращению насилия, полностью возложил вину за отчуждение молодежи на университетскую интеллигенцию, в первую очередь на преподавателей гуманитарных факультетов, которые, по его словам, возвели отчуждение в своего рода культ и ставят высшие баллы «отчужденным» студентам. Те, становясь преподавателями, передают это отчуждение новым поколениям студентов.

[51] «The University Crisis Reader». v. 2, p. 326.

В первую очередь с требованиями «навести порядок» в университетах выступала та часть университетской интеллигенции, которая, специализируясь в области естественных и точных наук, была тесно связана с проводившимися университетами военными исследованиями. Весьма характерно в этом отношении ставшее достоянием гласности письмо, направленное 15 апреля 1969 г. доктором Билом Меем, научным сотрудником лаборатории электроники Стэнфордского университета, президенту университета Питцеру, в котором он призывал Питцера выступить в защиту свободы личности, то есть «права самому распоряжаться своими действиями, при условии что они не будут ограничивать права других». Мей потребовал документально закрепить это право, аргументировав свое требование тем, что РОТК не ограничивает права других, студенты же добиваются ее ликвидации, равно как и запрета деятельности вербовщиков и проведения военных исследований, а это было бы нарушением свободы личности преподавателей и студентов, не отказывающихся от собеседований.

21 апреля свыше 300 преподавателей Колумбийского университета опубликовали заявление, в котором они призвали к защите университетских свобод, заключавшихся, по их мнению, в том, чтобы гарантировать преподавателям возможность преподавать, а студентам — учиться. В добрых старых традициях «либерального института» 50-х годов преподаватели заявили, что реформ следует добиваться путем дискуссий, не прибегая к насилию. Существующие нормы поведения призваны обеспечить свободу, которую не следует подчинять политическим целям. Против тех, кто нарушает эти нормы, учебные заведения, требовали преподаватели Колумбийского университета, должны принять защитные меры [52].

Защитные меры не заставили долго себя ждать. Участники демократических движений стали подвергаться всевозможным нападкам ультраправых, вокруг них старались создать атмосферу нетерпимости. Так, профессор экономического факультета Корнельского университета Дуглас Дод, бывший сопредседатель Национального мобилизационного комитета за прекращение войны во Вьетнаме, неоднократно выступавший с изложением своих взглядов по вопросу о Кубе, американской экономике и системе образования, стал получать письма, содержащие угрозы. В одном из таких писем, в частности, говорилось, что его надо приковать цепями к дереву и сжечь заживо. Ночами ему постоянно звонили неизвестные лица, выкрикивавшие в телефонную трубку оскорбления, его кабинет был взломан и т. п.

[52] Ibid., pp. 61—62.

Вместе с тем усилилась тенденция со стороны университетской интеллигенции, бывшей очевидцем студенческих выступлений, к тенденциозной интерпретации событий 60-х годов, определению их причин и основных уроков. Напуганная ростом политической активности и политического самосознания молодежи, буржуазная наука всеми способами старается затушевать социальный характер молодежного движения 60-х годов, используя при этом весь арсенал имеющихся в ее распоряжении средств.

16 мая 1968 г. на семинаре по вопросам занятости и рабочей силы в Вашингтоне выступил известный социолог профессор Колумбийского университета Сеймур Липсет, считающийся главным «авторитетом» по вопросам студенческого и молодежного движения. Сетуя на то, что «для поколения, ставшего совершеннолетним в 60-е годы, антикоммунизм стал вопросом сравнительно маловажным», Липсет извлек на свет затасканные аргументы периода холодной войны (которая, на его взгляд, «имела смысл») о необходимости для США противостоять так называемой «коммунистической империалистической экспансии», о коммунистическом обществе как «экспансионистской тоталитарной империи с оттенком расизма» (?!). Не оставился Липсет и перед чудовищной клеветой, возложив на СССР вину за развязывание второй мировой войны. Для старшего поколения, заявил он, война во Вьетнаме была лишь новым эпизодом в двадцатилетней борьбе против «коммунистической экспансии». Таким образом, рост антивоенного движения, по Липсету, объясняется лишь недостаточной осведомленностью молодежи о так называемых «ужасах коммунизма» и «терроре Вьетконга» [53].

1 июня 1968 г. в журнале «Нью рипаблик» была опубликована статья профессора Колумбийского университета З. Бжезинского «Революция и контрреволюция» [54], в которой известный «марксолог» и «советолог», ставший в глазах студентов символом связи науки с военно-промышленным комплексом и геноцидом во Вьетнаме, попытался дать молодежному движению «идеологическую» оценку. По мнению Бжезинского, многие известные в истории революции на самом деле являлись не революциями, а контрреволюциями, будучи «последними конвульсиями прошлого». К этой категории Бжезинский относит движение луддитов, чартизм, все крестьянские восстания, анархистские выступления, фашизм в Италии и Германии и «культурную революцию» в Китае. Все эти движения якобы представляют собой запоздалую попытку навязать настоящему и будущему ценности обреченного прошлого. Признавая истинными Вели-

[53] Seymour Lipset. American Student Activism in Comparative Perspective. Wash., 1969.

[54] Zbigniew Brzezinsky. Revolution and Counterrevolution (But Not Necessarily About Columbia). «The New Republic», June 1, 1968, pp. 23—25.

кую французскую буржуазную и Великую Октябрьскую социалистическую революции, Бжезинский в то же время утверждает, что США в настоящее время якобы переживают революционный период перехода от индустриального общества к «технотронному», будущему всего человечества. Техника, в первую очередь электронные средства связи и ЭВМ, приведет к коренным социальным изменениям. Прикрываясь «технократической» теорией и манипулируя понятием «революция», Бжезинский делает демагогический вывод о сходстве молодежного движения США 60-х годов с германским фашизмом и «культурной революцией» в Китае. Приписывая молодежи выступления против техники вообще, а не против превращения людей в бессловесные придатки техники в процессе капиталистической автоматизации, Бжезинский, приводя в качестве доказательства слова социолога Д. Белла, назвавшего студенческие выступления «последним всплеском романтизма, движимым тайной злобой и бессилием», утверждает, что молодежное движение «исторически устарело», так как оно якобы представляет собой попытки навязать оставившему его позади новому обществу свои ценности (т. е. гуманизм и романтизм? — А. В.).

29 декабря 1968 г. журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» опубликовал статью профессора философского факультета Калифорнийского университета Джона Сирла, который в 1964 г. сам принимал участие в студенческих выступлениях, а затем, назначенный на ответственный пост, занял реакционную позицию. Сирл обвинял радикальную университетскую интеллигенцию в потворствовании «реакционным взглядам и практике». Иронизируя над животрепещущими вопросами, стоящими в центре внимания демократических движений: первая поправка к конституции, гарантирующая гражданские свободы, расовая дискриминация, война во Вьетнаме,— которые он называет «сакральными», Сирл дематогически сравнивает справедливые обвинения в расизме, связях университетов с военно-промышленным комплексом и монополистическим капиталом с... охотой за ведьмами в период маккартизма.

По мнению Сирла, маккартизм и леворадикальное студенческое движение объединяет уверенность в собственной правоте, и признание необходимости сплочения в борьбе («против коммунизма или военно-промышленного комплекса, в зависимости от эпохи», — лицемерно утверждал профессор Сирл). Обвинение университетского профессора в выполнении секретной работы для Пентагона и ЦРУ, в расистских взглядах сейчас якобы равносильно обвинению в принадлежности к коммунистической партии в эпоху маккартизма.

Сирл дает общую «философскую модель» радикальных студенческих выступлений, которые он называет левым маккартизмом. На первом этапе, согласно теоретическим построениям

Сирла, студенты, движимые исключительно желанием сбросить существующую университетскую администрацию — что будто бы является для них самоцелью — наугад берут в качестве предлога один из «сакральных» вопросов, поднимая вокруг него шум. На втором этапе выдвигаются лидеры. Причем лидеров, по вполне серьезному утверждению профессора-философа, оказывается, делает по своему усмотрению... телевидение, которое выбирает для этой цели самых «телегеничных» студентов. Особый вред, по мнению автора, наносят действия тех преподавателей, которые оправдывают цели студентов и тем самым придают их выступлениям вид законности, укрепляют их в своих убеждениях. На третьем, заключительном этапе, заканчивающемся падением власти, когда на территорию университета в силу необходимости вызывается полиция, студентов поддерживает значительная часть университетской интеллигенции, которая, хотя на самом деле никаких университетских проблем не существует, создает комитеты, устраивает дебаты, предъявляет администрации всевозможные требования. Профессор Сирл упрекает администрацию в нерешительности, сравнивая ее с быком на бойне, покорно ожидающим своей участи. Университетские радикалы, по мнению Сирла, не пользуются поддержкой либеральной интеллигенции вне университета, настроенной враждебно к студенческому движению.

В 1969 г. вышла в свет книга объемом в 543 страницы, принадлежащая перу бывшего профессора Калифорнийского университета Льюиса Фойера. В этой книге, озаглавленной «Конфликт поколений», Фойер, используя псевдонаучную аргументацию и терминологию, заимствованную у психоаналитиков, пытается объяснить подъем молодежного движения 60-х годов слепой, подсознательной ненавистью к отцам и старшему поколению, усматривая во всех действиях молодежи биологическое стремление к насилию и сочетание склонности к цареубийству, отцеубийству и самоубийству. Движущей силой молодежного движения, уверяет Фойер, является действие на человеческую психику темных и подсознательных сил в раннем детском возрасте, в том числе и якобы непреодолимое желание смерти отца, а также чувство вины и ненависти к самому себе, вызываемое подобным желанием. Даже стремление помочь бедным и угнетенным Фойер объясняет травмирующими психику столкновениями студентов с фанатизмом родителей, в детстве запрещавших им играть с детьми другой расы или другого социального положения, то есть лишь подсознательным стремлением избавиться от полученной в детстве душевной травмы. Таким образом, налицо явная попытка представить социальные потрясения 60-х годов лишь как результат деятельности лиц с психическими отклонениями, хотя даже традиционный психоанализ признает, что так называемый «эдипов комплекс» присущ всем здоровым детям.

Говоря о событиях в Калифорнийском университете в 1964 г., очевидцем которых он был, Фойер старается убедить читателей в том, что основную роль в студенческих волнениях в Беркли играли нестуденты и даже уголовные элементы. Стремясь показать реакционность студенческого движения, Фойер проводит весьма натянутую аналогию с действиями студентов в Германии в 30-е годы.

Рост радикальных настроений среди университетской интеллигенции в 60-е годы, «тич-ины» Фойер объясняет претензиями на особое положение и привилегии, а рост политического самосознания — стремлением организовать себя в своего рода второе сословие, призванное заменить собой церковь.

«Демократия участия» интерпретируется Фойером как элитистское стремление радикального меньшинства навязать свою волю большинству, уже сделавшему свой выбор в рамках представительной демократии, являющейся, по мысли автора, идеальной формой устройства общества.

О. Демерис в своей книге «Америка насилия», вышедшей в 1970 г., справедливо указывая на связь роста насилия, преступности и наркомании в стране с культом насилия, насаждаемым средствами массовой информации и так называемой «массовой культурой», вместе с тем ставит знак равенства между юношеской преступностью и молодежным движением, пытаясь тем самым отрицать социальную, антимонополистическую и антиимпериалистическую направленность последнего.

Комментируя события 1968 г. в Чикаго, Демерис проводит мысль о том, что события, разыгравшиеся в дни съезда демократической партии, были инспирированы... телевидением. В качестве «доказательства» своего тезиса он ссылается на участие в демонстрациях протеста, помимо студентов, представителей различных слоев интеллигенции — журналистов, фоторепортеров, артистов, служителей культа [55].

* * *

Бурные 60-е годы в американских университетах сменились затишьем начала 70-х годов. Значительная часть студенчества, главным образом выходцев из мелкобуржуазных слоев, разочаровалась в радикальных движениях, не сумевших добиться создания общества социальной справедливости «здесь и сию же минуту». Мелкобуржуазная революционность сменилась апатией. В университетах получили широкое распространение эскапистские теории Скотта Ниринга, заново открытые для себя частью студентов. Многие студенты, считая, что знания сами по себе являются орудием социальных перемен, выдвинули тезис о том, что главная задача студента — получить образование и стать

[55] См. O. Demaris. America the Violent. N. Y., 1970.

хорошим специалистом. Многие бывшие радикалы по окончании университетов поступили на работу в крупные корпорации, заняв таким образом определенное место в системе общественного производства и абсорбировавшись в «истэблишмент», который, в свою очередь, пошел на некоторые уступки в области высшего образования. Были внесены изменения в учебные программы, тематика изучаемых курсов несколько приблизилась к проблемам дня, часть экзаменов заменили зачеты. Члены совета попечителей стали время от времени выступать перед студенческой аудиторией. Все эти меры, а также снижение возрастного ценза на выборах, сокращение призываемого контингента, обещания проводить политику сотрудничества с социалистическими странами, шаги, предпринятые для прекращения военных действий в Юго-Восточной Азии, в значительной степени способствовали умиротворению университетов. Однако выступления «новых левых» не прошли бесследно. Они коренным образом изменили политическую атмосферу в стране, привели к определенной радикализации некоторых ранее инертных социальных групп, в том числе интеллигенции. Некоторые уроки «новых левых» будут, несомненно, учтены в будущем, ибо объективные основы демократического движения в США по-прежнему сохраняются.

Изучение истории студенческого движения США 60-х годов показывает, что университетская интеллигенция, как и интеллигенция в целом, не играла и не могла играть роль главного революционного класса. Не являясь классом, а будучи лишь социальной группой, обслуживающей различные классы общества, интеллигенция не имеет собственной идеологии, собственной политической платформы и стратегии. В периоды подъема прогрессивных движений не только интеллигенция, полностью перешедшая на сторону пролетариата, но и передовая часть буржуазной интеллигенции принимает участие в демократических движениях. Однако ее политические взгляды, вследствие специфичности положения интеллигенции в системе современных производственных отношений, часто бывают неустойчивыми, на что в свое время указывал еще В. И. Ленин: «Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах» [56].

Только пролетариат, будучи до конца революционным классом, способен выполнить великую историческую миссию построения справедливого общества, только в союзе с пролетариатом залог успеха демократических движений, в том числе и молодежного, которое в условиях общего «помолодения» населения планеты превратилось в фактор, имеющий немаловажное значение. На это, в частности, указывает и программа Компартии США, классовой организации передовой части американского общества: «То, в чем капиталистическое общество отказывает молодежи, может быть завоевано лишь в борьбе против господства монополий, в союзе с рабочим классом» [57].

---

[56] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 454.

[57] «США — экономика, политика, идеология», 1971, № 1, стр. 83.